

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАЗЛИЧЕНИЮ ТИПОВ ВИНЫ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПРАКТИКЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Данная статья является логическим продолжением и переосмыслением теоретических положений диссертационной работы, касающихся функций вины [7]. Интерес к данной проблеме на предыдущих этапах исследования носил исключительно теоретический характер и опирался в первую очередь на анализ литературных источников (дополнительно был применен лишь контент-анализ сочинений испытуемых, позволивший отобрать те литературные сведения, которые в наибольшей степени подтверждались нашими собственными эмпирическими данными). Уточнить и описать функции вины, обсудить возможности практического применения этой разработки в диагностике и консультировании – такова цель сообщения, представленного вашему вниманию.

Прежде чем внести необходимые изменения в перечень функций вины, приведенный в диссертационной работе, кратко остановимся на нем. В качестве основных было предложено рассматривать следующие функции: регулятивную, коммуникативную, адаптивную, "самопонимания и самосовершенствования" (последняя будет обсуждаться особо, т.к. именно относительно нее возникли наибольшие сомнения).

Регулятивную функцию вины можно понимать достаточно широко. Она выражается во внешней регуляции – социального поведения в соответствии с нормами общества, а также во внутренней регуляции – поддержании идентичности и целостности личности. Эта функция включает в себя *сигнальную* и *защитную*, выделяемые многими авторами. Защитную роль играет и невротическая вина, но мы не относим невротическую защиту к естественным функциям вины, а рассматриваем ее как неконструктивную, сдерживающую личностное развитие форму регуляции. *Мотивационную* функцию также можно отнести к регулятивной и проследить ее проявления в трех сферах бытия человека – бытие-для-себя (Eigenwelt), бытие-с-другими (Mitwelt), бытие-в-природе (Umwelt) [9]. В соответствии с этими сферами, были выделены и три составляющие мотивационной функции вины – *возвращение к себе*, *возвращение к другим*, *возвращение к природе*. *Коммуникативная* функция проявляется в том, что чувство вины способствует поддержанию отношений между людьми и осознанию их значимости; восстановлению доверия и близости, а также терпимости к чужим недостаткам через понимание собственного несовершенства. Эта функция тесно переплетена с другими (в первую очередь с познанием и совершенствованием себя). *Адаптивная* функция выражается в приспособлении индивида к требованиям общества, в торможении социально неприемлемых действий.

Выделение функции "самопонимания и самосовершенствования" было основано на анализе литературы и получило некоторые эмпирические подтверждения, но на данном этапе изучения проблемы вины эта функция не представляется нам единой: самопонимание (а лучше сказать - самопознание, т.к. процесс познания хоть и направлен на знание и понимание, но к окончательному результату никогда не приводит - понять себя до конца невозможно) не обязательно связано с самосовершенствованием и может вообще не приводить к каким-либо заметным изменениям личности. Корректнее было бы рассматривать две различные функции – 1) *самопознания* и 2) *самоизменения* - это понятие более широкое и объективное по сравнению с предложенным ранее.

Приведенный перечень функций вины будет расширяться и уточняться. Оппонентом, Б.Г.Херсонским, была предложена еще одна функция - "возвращение к идеальному объекту". Предложенная нами классификация функций вины является одной из возможных - на основании иных концепций этого явления можно выделить и другие функции.

При необходимости каждую из описанных основных функций не трудно разбить на подфункции - их количество определяется главным образом научными и практическими задачами, требующими различной степени конкретизации, дифференциации или наоборот – обобщения (мы обозначили лишь те, что были найдены в литературе).

Анализ естественных функций вины и степени их сохранности, наряду с количественными методами, является, по нашему мнению, одной из наиболее важных задач при диагностике вины и как черты, и как ситуативной реакции, особенно в тех случаях, когда необходимо установить тип вины - нормальная (реальная), невротическая, экзистенциальная.

Исследование чувства вины с точки зрения последствий переживания (результатов проделанной им "работы") может быть применено и в качестве одного из приемов в консультировании, психотерапии, самопомощи.

Переходя к анализу отдельных случаев, отметим, что данный метод по мнению многих исследователей является одним из наиболее перспективных. В отличие от подходов, основанных на статистической обработке больших массивов информации и выявлении общих закономерностей, он дает возможность глубже проникнуть в суть изучаемого явления - это гораздо более тонкий инструмент познания психической реальности [5]. Итак, рассмотрим и обсудим два случая. Первый приводится в качестве иллюстрации функций вины и целостности этого явления. Он является пересказом дружеской беседы, в которой один из собеседников по договоренности принял на себя роль клиента (Андрей, 53 года), а другой (автор данной статьи) - психолога-консультанта. Таким образом, речь идет об игровой модели консультативной встречи. Второй случай - анализ фрагмента реальной консультативной работы автора с 33-летней клиенткой Ириной - приводится в качестве примера функционального подхода к консультированию личностей, склонных к переживанию чувства вины. Благодарю Ирину и Андрея за согласие на публикацию материалов бесед с ними.

История Андрея настолько красочна, что производит впечатление вымысла, а сам "клиент" предстает в ней почти эпическим персонажем. Содержание рассказа немного напоминает сюжет фильма и как сценарий вряд ли может претендовать на оригинальность. Однако есть все основания считать его реальным событием из жизни Андрея (он действительно геммолог, коллекционер, спортсмен-экстремал, бывал во многих поисковых экспедициях, отдал много времени и энергии поиску и добыче драгоценных камней). Искренность рассказа не вызывает у меня, хорошо знающей личностные особенности и историю жизни "клиента", никаких сомнений. Желание произвести неизгладимое впечатление на "консультанта" могло внести небольшие искажения, но существенного значения это не имеет: напомним, что в

практической психологии, особенно в психотерапии, психическая реальность клиента, даже вымышленная, является полноценным материалом, который не только можно, но и желательно использовать в работе.

Итак, рассказ Андрея о случае, вызвавшем у него много лет назад пиковое переживание, повлекшее за собой пересмотр ценностей и способствовавшее лучшему пониманию себя, ответственности за свою жизнь. Еще в советское время Андрей увлекался геммологией и поиском месторождений драгоценных камней на Урале, в Заполярье и других регионах страны. Будучи человеком увлекающимся, склонным к риску и авантюризму, но отнюдь не переживанию вины, он мало заботился о моральной и юридической сторонах своего увлечения. Тот факт, что драгоценные камни, как все богатства и недра земли принадлежат советскому народу, его совершенно не смущал. В своих, как правило, одиночных поисковых экспедициях по горам и тундре, он иногда сталкивался "с милиционерами, медведями и прочими опасными, дикими существами". Нарушение закона стало привычным, страх наказания легко вытеснялся, а экстремальные ситуации с детства доставляли Андрею удовольствие. Возможность продать камни не была главным мотивом путешествий – его привлекала, прежде всего, красота минералов и пейзажей, приключения, сам процесс поиска.

Переживание, которое является предметом нашего анализа, возникло в опасной, но достаточно ординарной для "клиента" ситуации. В захолустном уральском городке он зашел в музей геммологии и увидел в нем изумруд редкой красоты и размера. Андрей не мог отойти от камня - влюбился с первого взгляда. Далее сюжет развивался банально, но от этого не мене волнующе для "клиента": в его жизни это происходило впервые. Быть владельцем камня, иметь возможность видеть его в любое время, с такой силой охватили его, что "необходимость" украсть стала совершенно очевидной. Андрей, как это иногда случается в фильмах, остался в музее до закрытия и спрятался. Хранитель ушел, закрыв дверь зала на ключ. Андрей остался в темной комнате наедине с предметом своей страсти. Он волновался и смутно соображал, каким образом сможет вынести крупный минерал из музея. Было несколько вариантов, но ни один не казался безупречным. Андрей последовательно представлял себе осуществление каждого. В состоянии аффекта ему, естественно, думать было трудно. Сидя на полу темного зала, он внезапно осознал, что находится в очень важной точке своей жизни, на перекрестке путей. Тревогу, которую он ощущал, мы проинтерпретировали как тревогу выбора: настанет утро и он выйдет из музея в каком-то новом качестве - станет преступником и, возможно, окажется в тюрьме; станет владельцем ценного камня и будет озабочен тем, как бы не угодить в руки милиции; или же, тайно наслаждаясь красотой и чувством превосходства над другими людьми, благополучно проживет жизнь - в любом случае он не останется прежним.

В эту ночь Андрей о многом думал: о своей любви к минералам, об отношениях с людьми, об ответственности перед собой, о риске, о возможностях, о неизвестности будущего, о выборе и необратимости его последствий, о ценности восприятия прекрасного - так мы вместе обобщили все рассказанное им. Он понял, как много значит для него красота (причем не только минералов - красота всей природы, красота людей, красота отношений, т.е. эстетическая сторона жизни в целом). Украсть камень - это не только лишить других возможности любоваться им, но и нарушить своим поступком гармонию в себе самом и в своих отношениях с миром.

Получалось, что ради созерцания красоты он совершает неэстетичный поступок. Андрей полагает, что остановил его не столько страх наказания (хотя и он сыграл определенную роль), сколько чувство вины перед людьми, которые никогда не увидят этого камня. Он ощутил и вину перед собой за то, что предает собственные ценности, выбирая кражу минерала.

Интересно, что это интенсивное переживание тревоги выбора, предательства себя и вины происходило фактически в процессе осуществления намерения, но было связано в большей степени с мысленным и образным предвосхищением еще не случившегося. Выбор, казалось бы, был уже сделан. Однако чувство вины перед собой и другими людьми затормозило Действие, совершенное пока лишь в воображении - вину вызвали мысли и фантазии. В первую очередь вина по поводу еще не осуществленного намерения, по утверждению "клиента", остановила его и не дала совершить преступление. Постепенно он успокоился, решил, что не возьмет камня, и уснул на полу, испытав перед тем чувство огромного облегчения и радости.

Андрей согласился с интерпретацией радости и облегчения как положительных эмоций, сопровождавших переживание возвращения к себе, другим людям и, одновременно, выхода из опасной ситуации. Утром служитель открыл дверь и нашел нашего "клиента" в таком сонном и умиротворенном состоянии, что даже не заподозрил попытки кражи. Андрей сказал, что вечером немного выпил и совершенно не помнит, как оказался в музее.

Сосредоточив внимание на эмоциональной стороне рассказа, я попросила Андрея рассказать подробнее чувствах, которые он испытывал - ночью в музее и сейчас, во время рассказа. К сожалению, тематика и объем данной статьи вносят свои ограничения и не позволяют остановиться на подробностях беседы или привести полную стенограмму ее магнитофонной записи. Остановимся лишь на чувстве вины, возникшем у нашего, в прошлом несколько склонного к асоциальным действиям, "клиента". По содержанию ее можно трактовать и как глобальную (экзистенциальную), и как обычную локальную вину, связанную с намерением совершить поступок, нарушающий закон и моральные нормы общества - это подтверждает высказанное ранее понимание феномена вины как единого явления, лишь условно делимого на виды – экзистенциальная и не экзистенциальная [7].

Оценивая данное переживание по критерию "нормальности-невротичности", можно с уверенностью отнести его к здоровому, адаптивному: Андрей не испытывает вины в данное время, переживание завершилось в ту же ночь принятием решения, которое он воспринимал как единственно правильное. Случай иллюстрирует утверждение, которое ранее выносилось нами на защиту - вина выполняет функцию *возвращения человека к себе, другим людям и природе* (мотивационная составляющая регулятивной функции).

Экзистенциальный психотерапевт, вероятно, трактовал бы переживание Андрея как совершенно особое, такое, на которое обычные представления о причинах и роли вины не распространяются – как экзистенциальную неудовлетворенность собой, связанную с предательством собственных ценностей. Но как разделить на составляющие живое переживание, в котором сплетено все – вина перед собой, страх наказания, вина перед другими за намерение совершить конкретное действие (а конкретный поступок по определению не имеет отношения к вине экзистенциальной)? "Клиент" утверждает, что его остановили чувства и соображения высшего порядка, но не стоит забывать и о том, что выглядеть в собственных глазах романтическим героем приятнее, чем признать: "В тот раз почему-то испугался, не решился". В реальности, скорее всего, *адаптивную тормозящую функцию*, выполняли все грани и уровни переживания – от низших (простой страх наказания за конкретный поступок, мысленное обращение к внешним авторитетам и

социальным нормам) до высших, духовных – экзистенциальная по содержанию вина во всех своих трех измерениях, сопоставление намерения с собственными нравственными ориентирами и ценностями.

В ходе размышления над этим случаем возникает вопрос (мы оставляем его открытым): насколько точно слово "вина" соответствует нормальному адаптивному переживанию, тормозящему запланированное, но еще не осуществленное действие или фантазии о желаемом, но запретном? Вина ли это вообще? Наш "клиент" назвал свое чувство виной, но ему было известно, что именно изучает "консультант" – возможно, он назвал бы его "чувством ответственности перед собой", если бы акценты в беседе были расставлены несколько по иному. Вопрос о том, следует ли называть чувством вины переживание, возникающее до осуществления действия и тормозящее его, остается открытым. Если трактовать его как вину - обычные критерии нормальности (или "реальности") к нему применимы так же, как к вине по поводу поступков.

Здесь уместно будет сделать небольшое отступление и уточнить некоторые термины, используемые в нашей работе. Определенные неудобства, особенно когда речь идет о вине по поводу намерения или фантазий, вносит словосочетание "реальная вина". Это понятие иногда используется в психологической литературе для различия невротической и "нормальной вины". Говоря о нормальной или реальной вине, авторы зачастую имеют в виду экзистенциальную вину, используя как взаимозаменяемые все три термина. Мы отказались от употребления понятия "реальная вина" по следующим соображениям: предметом психологии является не юридическая вина - объективная вина, связанная с реальным нарушением норм, а чувство вины как исключительно субъективное переживание, возникающее во внутреннем пространстве личности. В этом смысле она всегда реальна. За неимением более подходящего термина для обозначения "не невротической" вины, мы используем термин "нормальная вина". Надо сказать, что понятия нормы и патологии лежат вне сферы нашей компетенции и научного интереса - исследование проводится в рамках общей психологии, но обойти его стороной невозможно, когда речь заходит о естественных функциях "нормальной" вины, диагностике ее типа и консультативной работе.

Следующий случай, как было сказано выше, описывает попытку применения функционального подхода в психологическом консультировании и диагностике различных типов вины. Он довольно обычный и яркостью не отличается, но именно его типичность позволяет судить о целесообразности использования данного подхода в работе с другими клиентами. Принципы, применяемые нами, не являются абсолютно новыми. Внимание функциям вины уделяли в своей работе многие известные психотерапевты [1, 9, 10, 11], далеко не всегда используя понятие "функция" или другие близкие ему по значению. В консультировании, в отличие от психотерапии, не ставится задачи существенно трансформировать личность клиента. Кроме того, консультант часто работает с людьми, переживающими вину как нормальную реакцию на собственные поступки, уклонение от них или как неудовлетворенность целым рядом прошлых выборов. Здоровое, естественное чувство вины подает человеку определенные сигналы, которые нужно уметь расшифровывать. У него всегда есть какая-то цель. Мы стремимся научить клиента самопомощи на основе анализа функций конкретных переживаний, а не только пытаемся ослабить интенсивность чувства вины и помочь в разрешении определенных проблем в отношениях с другими людьми. Помимо анализа функций, используются приемы, основанные на биполярной модели вины, но здесь мы на них останавливаемся вскользь.

Ира обратилась за психологической помощью в момент кризиса в отношениях с партнером. Оставив десятилетнего сына в деревне на бабушку и дедушку, она переехала в Киев, чтобы "найти папу" своему ребенку, создать новую семью (развелась шесть лет назад). До этого уже была неудачная попытка повторно выйти замуж, но в другом городе – она знакомилась с мужчинами по Интернету и после недолгой переписки переезжала к ним. Как показало тестирование, клиентка склонна к переживанию вины (все ядерные показатели на уровне третьего квартиля, интенсивность - ближе к четвертому). В ходе диагностического не стандартизированного интервьюирования и беседы выяснилось, что обвинения-оправдания и всплески агрессии связанные с этим, были основным содержанием ее общения с матерью на протяжении многих лет. Опуская сложные перипетии жизни Иры и наши совместные попытки понять и разрешить ее многочисленные проблемы, остановимся на том, что имеет отношение к чувству вины и его функциям.

Ира и Дима жили вместе уже полгода. Молодого человека начала тяготить эта форма отношений, он недвусмысленно дал понять, что предпочел бы встречаться, а не жить вместе. Но Ира и мысли не допускала о таком варианте - она хотела официально выйти замуж за своего партнера, причем как можно скорее. Дима был постоянно всем недоволен, и она понимала, что это раздражение не обосновательно: он хотел увидеться, познакомиться, какое-то время повстречаться, но не поселять незнакомую девушку в своем доме при первой же встрече. Стараясь заглядывать вину, Ира изо всех сил старалась ему угождать, но молодой человек становился все более мрачным и замкнутым, говорил, что устал смотреть на ее вечно испуганное и виноватое лицо.

Клиентка со слезами рассказывала о своей привязанности, любви, огромном желании любой ценой сохранить отношения с партнером. Переживание вины по отношению к нему, хотя и несло в себе некоторые невротические признаки, было, по-видимому, нормальной реакцией на его недовольство: посягая на свободу другого человека, нарушая его границы, навязывая форму отношений, к которой он пока не готов, вполне естественно чувствовать вину и опасаться разрыва.

Среди функций вины, переживаемой нашей клиенткой, были выделены такие: *коммуникативная, адаптивная, регулятивная* (мотивационная составляющая "работала" в направлении напоминающем невротическую защиту), *самопознания*. Функция *самоизменения* была выражена слабо, что собственно и создавало проблему: клиентка понимала многое, но готовность что-то изменять в своем поведении пришла не сразу. Приблизительно через два месяца Ирина решила на переезд в другую квартиру. Прислушавшись к сигналам вины, проанализировав свое переживание и разобравшись в его функциях, она поняла, что необходимо изменить свое поведение (*функции самопознания и мотивации*) - только увеличив дистанцию в отношениях с партнером и найдя форму отношений, которая устраивала бы их обоих, она сможет сохранить связь с человеком, ставшим для нее очень значимым.

После переезда в квартиру, которую ей помог снять Дима, Ира испытала смешанные чувства облегчения и печали, но вина полностью исчезла. С этого времени отношения молодых людей стали более ровными и взаимно приемлемыми (*коммуникативная функция, "возвращения к другим", адаптивная*) наметилась перспектива их развития, а главное - они сохранились – т.е. основная проблема была разрешена: предотвратить разрыв - такова была главная задача, поставленная клиенткой на первой консультативной встрече.

Как видим, анализ функций нормальной вины и своевременное совершение действий, направленных на восстановление нарушенных отношений, может давать довольно быстрый положительный результат. Сложнее обстояло дело с чувством вины по отношению к сыну и родителям. Невротический радикал в этих переживаниях выражен более четко и требует длительной коррекционной работы. Поскольку клиентка отказалась от психотерапевтической помощи (ей был предложен вариант обращения к другому специалисту - психотерапевту), мы попытались в рамках консультирования обучить ее некоторым приемам самостоятельной работы с виной. На примере анализа отношений с родителями и сыном и функций вины, которую Ирина испытывала по отношению к ним, был показан сам принцип работы с виной: различение защитных граней переживания и конструктивных, адаптивных, помогающих личностному развитию и поддержанию отношений с другими людьми. Работа в этом направлении не завершена.

Помимо вины по отношению к родным и близким людям (партнер, сын, родители), клиентку мучили сомнения относительно всей ее жизни, она чувствовала себя вконец запутавшейся безнадежной неудачницей, часто говорила о нереализованных мечтах и провалившихся затеях. В неопределенных, размытых жалобах Иры *экзистенциальная вина* была слышна как ведущая тема. Эта форма вины, по нашим экспериментальным данным, в большей степени связана с тревогой, ухудшением отношения человека к себе, снижением адаптивности, чем локальная вина [7]. Поэтому максимально конкретизировать переживания, локализовать их было первостепенной задачей: с последствиями отдельных ошибок можно что-то делать, тогда как неопределенная, "неопредмеченная", смутная вина вызывает ощущение тотальной неудовлетворенности собой и жизнью, невозможности что-либо исправить. Клиентке было предложено ответить на вопрос: "Какие именно события, поступки, упущенные возможности вызвали ощущение недовольства собой и жизнью?".

Анализ этих поступков и возможных вариантов исправления их последствий, помощь в извлечении опыта из того, что исправлять уже поздно - в таком ключе шла работа с глобальной виной. У ортодоксального экзистенциалиста это может вызвать недоумение, но мы исходили из несколько иного понимания природы экзистенциальной вины. Такого рода чувство, по-видимому, является обычной виной по поводу конкретных поступков или отказа от них, но имеет некоторые формальные, количественные и содержательные отличия [7]. Оно характеризуется высокой степенью когнитивной обобщенности опыта, связью со смысловой сферой личности, диффузностью эмоциональной составляющей переживания.

Специфической особенностью экзистенциальной вины является и ее тесное переплетение с тревогой (в отличие от локальной вины, которая пересекается со страхом). Тревожность вообще трудно поддается коррекции, в рамках консультирования решить эту проблему невозможно. Поэтому в работе с данным типом вины мы не ставили нереальных задач. Локализовать то, что легко поддается данной процедуре - вот все, что мы попытались сделать на этом этапе (если не считать нескольких телесных и дыхательных техник, которым клиентка обучилась с целью самостоятельного контроля уровня тревоги, усилившей диффузную вину). Затем мы попытались найти нечто общее между всеми выделенными конкретными поступками (или уклонениями от них) и переживаниями, конкретными судьбоносными выборами, которые в своей совокупности привели к глобальному чувству неудовлетворенности собой и жизнью. Клиентка почти самостоятельно, с незначительной помощью консультанта, определила функции своей экзистенциальной вины.

Вина перед собой выделилась как основная составляющая - соответственно главными были функции *"возвращения к себе", самопознания, самоизменения*. К экзистенциальной вине приходится возвращаться постоянно по ходу консультирования - окончательно решить эту проблему невозможно. Важно, чтобы у Ирины не появилось чувство безнадежности, тщетности усилий. Поэтому, наряду с локализацией и анализом функций, мы применили и традиционный подход, принятый в экзистенциальном консультировании: клиентку необходимо было подвести к принятию того, что с виной надо как-то жить, полностью и навсегда избавиться от нее невозможно: ошибки время от времени случаются, реализовать себя полностью практически нереально, разделить с близкими все их страдания и удовлетворить каждое их желание нельзя.

В беседе о глобальной вине, мы с клиенткой пришли к общему мнению о том, что переживать ее иногда полезно, если не посвящать этому слишком много времени и сил. Однако не стоит преувеличивать благотворную роль любой вины в духовном развитии человека - в идеале лучше действовать под воздействием любви, чем исправлять под воздействием вины. Ирина разделяет эту точку зрения и понимает, что культивировать в себе чувство вины как инструмент духовного развития не стоит, для этого есть более подходящие средства. Что же касается реализации потенциальных возможностей, то это вовсе не обязательно должно быть главным смыслом жизни (об этом хорошо написано у В.Франкла). Сама идея философов о том, что человек непременно должен чувствовать вину перед собой за то, что не стал тем, кем мог бы стать, довольно спорна, хоть и популярна. Мы попытались снизить интенсивность вины клиентки перед собой, высказанными выше соображениями. В настоящее время Ира относится к своей жизни с большим принятием, чем несколько месяцев назад. Она считает, что делала то, что могла делать в рамках объективных обстоятельств, не ею выбранных - она родилась в деревне, с младенчества отличалась слабым здоровьем, физических сил у нее мало, а умственная работа требует образования, получить которое у нее не было возможности. В процессе консультирования Ира заинтересовалась психологией, начала читать популярную литературу, почувствовала желание помогать другим людям в решении их проблем и приняла решение получить психологическое образование, если заработная плата позволит в будущем осуществить это намерение. Радует то, что Ирина гибко подходит к своим планам: если не получится это, то получится что-то другое, ведь у нее есть целый спектр различных возможностей, осуществить которые не хватит самой долгой жизни (мы посвятили несколько встреч "инвентаризации" резервов и имеющихся возможностей). В настоящее время у клиентки нет жалоб, связанных с экзистенциальной виной - она понимает, что реализовать себя полностью невозможно. Работа с Ирой длилась восемь месяцев (примерно 3-4 встречи в месяц) и в данный момент не завершена, но встречи стали более редкими, необходимость в них возникает все реже.

Данный пример показывает, что анализ функций вины, локализация диффузной (экзистенциальной) вины помогает клиенту услышать и понять сигналы, которые подает ему это чувство, снизить тревогу и дискомфорт, проследить причинно-следственные связи между собственными действиями и их последствиями, принять на себя ответственность за эти действия и направить энергию на исправление того, что вызвало переживание.

Подводя итог всему сказанному, сделаем следующие выводы: 1) вина выполняет определенные функции в развитии индивида и человеческого общества; к основным из них можно отнести: регулятивную, коммуникативную, адаптивную, самопознания, самоизменения (перечисленные функции включают подфункции); 2) сохранность функций, наряду с

количественными показателями, является важным диагностическим критерием при различении нормальной и невротической вины; 3) анализ выделенных функций можно рекомендовать в качестве одного из методов практической работы с клиентами склонными к чувству вины или переживающими его в форме реакции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер А. О нервическом характере / А.Адлер. - Университетская книга ЛСТ. – СПб.: М., 1997. – 388с.
2. Белик И.А. Чувство вины в связи с особенностями развития личности: дис. канд. психол. наук: спец. 19.00.01 "общая психология, психология личности, история психологии" / И.А. Белик. – Санкт-Петербург, 2006. – 209с.
3. Виллюнас В. Психология эмоций / В. Виллюнас. – СПб.: Питер, 2006. – 496с.
4. Изард К. Психология эмоций / К. Изард. – СПб.: Питер, 2003. – 464с.
5. Квале С. Исследовательское интервью / С. Квале. – М.: Смысл, 2003, - 301с.
6. Короткова Е.В. Социально-психологический анализ вины и стыда как системы отношений личности к себе и другому: дисс. канд. психол. наук: спец. 19.00.05 / Е.В. Короткова. – Р.-на-Дону, 2002. – 226с.
7. Малеева О.Л. Психологічні особливості схильності особистості до переживання почуття провини: дисс. канд. психол. наук: спец. 19.00.01 "загальна психологія, історія психології" / О.Л. Малеева. – Одеса, 2007. – 285с.
8. Малеева О.Л. Генезис та функції провини / О.Л. Малеева // Науковий вісник ПДПУ ім. К.Д. Ушинського, 2007. – №7-8. – С.247-256.
9. Мэй Р. Открытие Бытия / Р. Мэй. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2004. – 224с.
10. Хорни К. Невротическая личность нашего времени; Самоанализ / К. Хорни. – М.: "Прогресс", "Универс", 1993. – 480с.
11. Эволюция психотерапии / "Семейный портрет в интерьере", Т.1 // Семейная терапия [пер. с англ. Т.К. Кругловой]. – М.: Независимая фирма "Класс", 1998. – 304с.

Подано до редакції 09.09.09

РЕЗЮМЕ

В статье представлен материал, иллюстрирующий и уточняющий функции чувства вины; анализируются отдельные случаи, предлагается подход к консультированию и диагностике вины, основанный на анализе функций; обсуждаются терминологические и методологические вопросы психологии вины.

Ключевые слова: вина, функции вины, диагностика вины, консультирование, анализ единичных случаев.

Е.Л. Малеева

ФУНКЦІОНАЛЬНИЙ ПІДХІД ДО РОЗРІЗНЕННЯ ТИПІВ ПРОВИНИ І ЙОГО ВИКОРИСТАННЯ В ПРАКТИЦІ КОНСУЛЬТУВАННЯ

РЕЗЮМЕ

У статті представлений матеріал, що ілюструє та уточнює функції почуття провини; аналізуються окремі випадки, пропонується підхід до консультування та діагностики провини, який ґрунтується на аналізі функцій; обговорюються термінологічні та методологічні питання психології провини.

Ключові слова: провина, функції провини, діагностика провини, консультування, аналіз окремих випадків.

E.L. Maleyeva

THE FUNCTIONAL APPROACH TO DIFFERENTIATION OF GUILT TYPES AND ITS USE IN CONSULTING PRACTICE

SUMMARY

The article illustrates and specifies functions of sense of guilt; analyzes some cases; suggests an approach to consulting and diagnosing guilt based on analyzing functions; discusses terminological and methodological issues on psychology of guilt.

Keywords: guilt, functions of guilt, diagnostics of guilt, consulting, case studies.
